

МЕТАФОРА В ДОСОКРАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. О. Гомозова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июня 2022 г.

Аннотация: в статье дается ответ на вопрос о первом использовании метафоры для изложения философской теории. Отдельное внимание уделяется метафорической системе Гераклита. Демонстрируется значение результатов интерпретации метафоры для понимания философских теорий.

Ключевые слова: метафора, архэ, субстанция, милетская школа, Гераклит.

Abstract: the article is devoted to the problem of the first use of metaphor for presenting a philosophical theory. The special attention is paid to the metaphorical system of Heraclitus. The article demonstrates the significance of results of interpretation of metaphor for understanding a philosophical theories.

Key words: metaphor, arche, substance, The Milesian school, Heraclitus.

Первым философом европейской традиции называют Фалеса. Он известен тем, что еще до концептуализации понятия материи заявил, что мир происходит из одного начала – воды [1, с. 101]. Аристотель описывает идею Фалеса так: «начало и причина роста содержащих влагу [существ] – вода» [там же, с. 109]. Выходит, что Фалес обращает большее внимание не на образы, связанные с водой, а на ее качества, что говорит об отсутствии метафоры в его теории.

Тем не менее в философской литературе появляются упоминания метафор в контексте учения Фалеса. Например, профессор Дж. Ариети пишет, что Фалес мог использовать понятие воды в качестве метафоры различных форм материи [2, р. 45]. Но это было бы возможно только, если Фалес понимал разницу между потенциальными и актуальными состояниями, обнаружил постоянство в изменении, когда данные новации принадлежат Гераклиту и Аристотелю [3, с. 10].

По некоторым свидетельствам, преемником первого философа был Анаксимандр [1, с. 117], который ввел абстрактное понятие «Апейрон» (беспредельное) в качестве архэ [там же, с. 118]. Он сделал это, потому что пытался выделить нечто принципиально не похожее на остальные элементы [там же, с. 121]. Мы не находим метафоры в составе его первоначала, поскольку метафора основывается на сходстве между предметами. В его теории имеют место и другие субстанции – противоположности, которые лежат вне начала [4, р. 54], но имеют общее происхождение из «Одного» [1, с. 117]. Он описывал их как «горячее и холодное, влажное и сухое, соответствующие четырем стихиям» [5, с. 111]. Симпликий описывает механизм их работы следующим образом: «А из каких [начал]

вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени» [1, с. 128]. Возникнуть означает быть должным смерти, ведь существующему отведен свой отрезок времени [5, с. 59]. Таким образом, общая сема возмещения и жизненного цикла вещей – обязательность исполнения. Изменчивость носит законодательный характер: «Время фигурально понимается как судья, выносящий приговор, в этом Анаксимандровом образе бросается в глаза тот факт, что приговор этот регулярный и неизбежный» [3, с. 17].

Философ использует смыслы из области экономики, права, чтобы объяснить онтологическое положение [5, с. 59]. Следовательно, на уровне противоположностей Анаксимандра мы встречаем первую метафору в философии.

Анаксимен полагает в качестве архэ воздух, продолжая описывать процессы изменения внутри него: «Разрежаясь, [воздух] становится огнем, сгущаясь – ветром, потом облаком, [сгустившись] еще больше – водой, потом землей, потом камнями, а из них – всё остальное» [1, с. 129]. Он приписывал первоначально статус божественности и бесконечности [там же, с. 131]. Сохранились свидетельства, описывающие стилистику Анаксимена: «Писал на ионийском диалекте, слогом простым и безыскусственным» [там же, с. 129], что не предполагает фигуральности. Выходит, что Анаксимен излагал свои идеи без помощи метафоры.

Гераклит наделил статусом первоначала огонь [3, с. 1]. Вещи происходят из него и возвращаются в него вследствие мирового пожара, который происходит спустя равные отрезки времени [6, с. 93]. Происхождение предметов объясняется процессами сгущения и разжижения [1, с. 177]. Эти процессы не связаны с образами, которые поставлял бы огонь, будь он метафорой, поэтому первоначально выбрано им впоследствии осмысления окружающего.

Гераклит выделяет и другие начала – противоположности и описывает процесс их взаимообращения: «их смена циклична и неотвратима» [5, с. 73]. Как и Анаксимандр, Гераклит использует экономическую метафору: «Все вещи обмениваются на огонь, а огонь на все вещи, как золото на товары, а товары на золото» [3, с. 131]. Он сравнивает первоначало с золотом, что позволяет ему наделить огонь статусом универсальной «космической валюты»: «Субстанции имеют фиксированную эквивалентную стоимость относительно огня как посредника обмена» [там же]. Вещь не становится самым золотом, когда устанавливается ценность предмета. Метафорой он показывает, что первоначало не обязательно должно имманентно присутствовать в предметах творения, что отличает его онтологию от милетской.

Гераклит дополняет метафору Анаксимандра агональной, характеризуя отношения между противоположностями: «война всеобща, что вражда – справедливость (Дике), и что все рождается через вражду и за счет другого» [5, с. 155]. В данном отрывке закрепляется понимание противоположностей как противостоящих друг другу.

Далее необходим анализ его наиболее известной цитаты: «Всё течет подобно реке» [1, с. 177]. Именно трактовка данного тропа делает его учение внутренне противоречивым и вызывает многовековые споры [3, с. 1–5]. С одной стороны, остались фрагменты и парафразы его учения, которые указывают на скрытый во фразе мотив обновления: «Ничто не постоянно» [5, с. 164]. В некоторых отрывках даже используется множественная форма слова «река»: «Когда мы дважды входим в одни и те же реки, нас омывают притоком каждый раз разные воды» [1, с. 175]. Эти цитаты могли бы свидетельствовать о том, что Гераклит считал, что постоянное изменение сталкивает нас с множественностью. Однако, если река – метафора изменения, то мы не можем принять идею о фиксированном перерождении космоса в пожаре и стабильном первоначале [3, с. 2].

Противоречивость теории заметил еще Аристотель. Гераклит полагал, что уничтожение и возрождение вечные [7, с. 294], но как они могут сосуществовать? Ведь данный тезис ведет к необходимости принятия причинности.

Иной подход предполагает, что Гераклит осознанно совмещал постоянство и поток. Если обновляются только воды внутри реки, то ее устье и поток остаются прежними. В такой интерпретации изменение поддерживает существование постоянства. В рамках данного подхода Гераклит становится философом, который ввел в онтологию категорию процесса [3, с. 30].

Метафоры способны образовывать системы, в которых каждый из тропов «подсвечивает» разные стороны изучаемого предмета [8, с. 131]. Поэтому для разрешения спора вокруг метафоры реки требуется вникнуть в другой фрагмент учения Гераклита: «Поворотные меты Зари и Заката – Медведица и напротив Медведицы – предел ясного Зевса» [5, с. 168].

Мета – точка на стадионе, достигнув которой, бегун должен повернуть в обратную сторону [там же, с. 72]. Поворот Солнца совершается в метях «Медведицы» (Весеннего равноденствия) и «Ясного Зевса» (Осеннего равноденствия) [там же, с. 168], значит, Гераклит связывает стадион и небо между собой. Важен в рассматриваемой метафоре и мотив зрительного «удаления»: «День и Ночь (Восход и Закат) становятся “больше” и “меньше” своего соперника» [там же, с. 73]. Античные стадионы имели овальную вытянутую форму, поэтому мы сталкиваемся не с бегом по кругу, а с дорогой «туда и обратно» [там же, с. 72]. Сам Гераклит поясняет, что эта дорога одна и та же [там же, с. 165], т. е. траектория, процесс изменения запрограммированы изначально и навсегда.

Заря и закат подразумевают под собой противоположности в целом: «Именно беговая дорожка была в поэтической “космологии” Гераклита универсальной моделью всеобщего изменения» [там же, с. 73]. В пользу этой версии говорит и то, что Гераклит «движение приписывал всему» [там же, с. 165]. Выходит, что не только смена дня и ночи, но и противоположностей носит строгий характер [там же, с. 139].

Противоположности, сохранение материи, точки, в которых происходит изменение, сам процесс изменения связаны между собой. Наиболее показателен в данном случае парафраз Филона Александрийского: «Казалось бы, умирая, становятся бессмертными, вечно бегая долгим бегом» [там же, с. 166]. Имеется в виду, что, достигнув меты, противоположность не покидает стадион, а продолжает участвовать в процессе изменения.

Воссозданный образ античного стадиона проливает свет на понимание метафоры реки. Противоположности не только постоянно сменяют друг друга, но и делают это по определенным законам в отведенном им времени и месте. Расширяется наше понимание метафоры реки: вода, достигая определенной точки, возвращается обратно.

Следующая метафора, показывающая уже равенство противоположностей, – это лук и лира, поскольку их стороны симметричны. Он пишет: «Они не понимают, как враждующее между собой находится в согласии, единое: наоборотный лад (гармония), как /лад/ лука и лиры» [там же, с. 154]. Симметрия приводит нас к пониманию равенства противоположностей, которые многие характеризуют как тождество, делая ошибку. Нарушение закона непротиворечия есть «то, что заставляет нас задуматься над парадоксальной ситуацией, постараться решить в наших умах, в каком смысле р и не-р одновременно будут истинными» [3, с. 29]. В данном случае возможно говорить только о равенстве жизненных циклов противоположностей.

Выходит, на уровне первоначал у Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита метафора не встречается. В случае с архэ: «нет никакой внутренней причины, почему любую одну базовую субстанцию следует предпочесть любой другой» [там же, с. 21]. Они описывают само первоначало, но не объясняют его выбор, – оно является наиболее адаптивным элементом, обладающим силой созидания [там же, с. 18]. У них отсутствует строго выраженная связь между производящей функцией архэ и вещами. Более того, каждый из них пишет о том, что вода, воздух, земля также участвуют в образовании мира. Выходит, что каждый из философов ставит на первое место один субстрат, не лишая субстанциальности иные. В такой ситуации было бы возможно заменить одно архэ на другое, что несущественно бы повлияло на вид их аргументации.

Несмотря на абстрактность и прогрессивность предложенного Анаксимандром апейрона, в его теории также присутствует пробел между производящей силой субстанции и развитием процессов в мире. Метафора же призвана раскрывать индивидуальность явления. Значит, архэ Ионийской школы и Гераклита неметафорично, поскольку оно слабо концептуализировано.

Метафора возникает у Анаксимандра и Гераклита на уровне противоположностей, что вовсе не умаляет ее значимости. Анаксимандр показывает, что фигуративное значение в философии может передаваться не с помощью слова или словосочетания, а посредством целого предложения. Структура метафоры может быть не только пропозициональной, что расширяет возможности поиска и осмысления тропов в философии.

Философия Гераклита представляет яркий пример использования метафорических синонимов в философии: «различаясь иконически (стадион и река), передают один и тот же концепт стремительного движения и изменения» [5, с. 172]. Благодаря его системе метафор мы можем разрешить спор вокруг категории изменений, возникший из-за разных интерпретаций метафоры реки. Если мы используем только тезис «всё течет подобно реке», то мы не можем понять, как в философии Гераклита сосуществуют изменение и вечность. Однако, рассмотрев данную метафору в связи со смежным понятием стадиона, мы понимаем, что изменение происходит в рамках заданного порядка, поддерживающего вечность. Противоположности сменяют друг друга в заданной точке (мете), и циклы их жизни равны, словно половины боевого лука.

Литература

1. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I : От эпических текосмогоний до возникновения атомистики / под ред. А. В. Лебедева. – М., 1989. – 576 с.
2. *Arieti J. A. Philosophy in the Ancient World : An Introduction* / J. A. Arieti. – Lanham ; Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 2015. – 386 p.
3. *Грэхэм Д. У.* Критика Гераклитом ионийской философии / Д. У. Грэхэм. – URL: <https://nsu.ru/classics/Wolf/Graham-HERACLITUS-OSAP.pdf>
4. *Burnet J. Early Greek Philosophy* / J. Burnet. – Great Britain : Adam and Charles Black, Ltd., 1930. – 383 p.
5. *Лебедев А. В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова / А. В. Лебедев. – СПб. : Наука, 2014. – 533 с.
6. *Михайлова Э. Н.* Ионийская философия / Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 184 с.
7. *Аристотель.* Соч. : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.
8. *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2008. – 256 с.